

УДК 301.199

© *Е. В. Песегова, 2009*

НЕФОРМАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Песегова Е. В. – канд. экон. наук ст. государственный инспектор Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (г. Москва), тел.: (495) 954-54-40, e-mail: c_pesegova@mail.ru

Статья посвящена научной рефлексии неформального потенциала образования с учетом российской специфики. Актуализируется проблема социальных образовательных и воспитательных практик в контексте безопасности российского общества. Автор рассматривает основания трансляции формальных и неформальных норм образования.

The article is devoted to the scientific reflection of the informal potential of education subject to Russian specific character. The problem of social educational and pedagogical practices becomes urgent in the context of Russian society security. The author considers the grounds for transmission of formal and informal norms of education.

Ключевые слова: национальная безопасность, общественное воспитание, агент социализации, трансляция ценностей, институт образования.

Общепринято считать, что национальная безопасность России – это безопасность ее граждан. На современном этапе существования Российской Федерации найдется немного россиян, которые бы ощущали полную безопасность своей жизни и жизни своих близких. Располагают ли государство и общество методами выявления угроз и потенциалом их предотвращения и ликвидации? Этот вопрос, ставший почти риторическим, проявляет не только интеллектуальную рефлексию, но и широкую проблематику повседневной жизни. Он отражает многоаспектную социальную обеспокоенность качеством жизни, где не последнюю роль играет качество высшего образования.

Высшая школа определяется фиксированным набором изучаемых предметов, эта данность позволяет определить образование как формальный процесс. Однако высшая школа действует как агент социализации и в несколько ином отношении. Наряду с формальным набором учебных дисциплин существует то, что можно зафиксировать как скрытую программу, определяющую специфические условия обучения.

Во всех государствах современного мира, включая развивающиеся страны, образование стало одной из основных сфер вложения капиталов. Это явление объясняется рациональной необходимостью со стороны социума поддерживать социальную функцию образования во всех его ипостасях. Высшая школа выступает агентом социализации, в первую очередь, интегрируя человека в систему деятельностей и систему организованностей. Однако имеются существенные различия в организации систем образования и в пропорции населения, получающего тот или иной уровень и тип образования.

Могут ли усилия общества считаться чрезмерными, если они направлены на решение задачи, связанной с всеобщим просвещением и образованием? В XX веке Россия дважды прошла через разрушение государственной системы, и система образования дважды претерпела серьезные формальные изменения. История не знает сослагательного наклонения. Дважды произошло то, что требует самого серьезного научного осмысления и морального выбора, который не позволит историческим фальсификациям участвовать в формировании догматического закрытого общественного сознания, сознания, которое питается иллюзиями государственной безопасности.

Государственная политика Российской Федерации в области образования провозглашает его приоритетным направлением [5]. Статья вторая «Закона об образовании» закрепляет принципы государственной политики в области образования, такие как: гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье [5]; свободу и плюрализм в образовании [5].

Перечисленные принципы образовательной политики Российской Федерации полностью соответствуют конституционным ценностям и положениям Конституции РФ, устанавливающим правовой статус личности. Свободное развитие личности в качестве принципа образовательной политики государства означает признание за ней собственной позиции и права на самоопределение в процессе образования.

Отвечая на поставленный выше вопрос, можно аргументированно утверждать, что усилия общества не бывают чрезмерными, если они направлены на решение задачи, связанной со всеобщим просвещением и образованием. По формальным признакам названные принципы максимально полно учитывают давние и богатые традиции российского образования, подытоживая достижения отечественного образования, его нацеленность на общечеловеческие и универсальные ценности. Более того, каждый гражданин России, независимо от его пола, возраста, национальной принадлежности, вероисповедания, местожительства, экономического достатка, имеет доступ к получению образования в рамках, установленных законом. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в сфере формального воплощения, институт образования представлен всем необходимым для гармоничного функционирования сводом норм и правил.

Утверждение о том, что российское образование имеет давние и богатые традиции кажется неоспоримым, если рассматривать феномен образования с точки зрения общей гуманитарной мысли. Но история Государства Российского демонстрирует точки кардинального разрыва в системе ценностей и идеалов национального образования, неизменным остается только пафос любви и службы Отечеству.

Очевидно, что еще не достигнуто общественное согласие, не завершен процесс формирования объединяющей национальной идеи, которая определила бы не только мировоззренческую основу, но и долгосрочные цели позитивного существования России как суверенного государства, общества, как гражданской силы, осуществляющей восходящий социальный контроль. Каков же неформальный потенциал образования в системе государственных задач, правильное решение которых укрепит Россию в гарантированно стабильном, благополучном существовании социума через механизм обеспечения (защиты, предупреждения, управления) реализации жизненных потребностей нации и общества [2].

Богатые традиции российского образования создавались великими мыслителями и патриотами своего Отечества, но национальная специфика такова, что многие из них не имели возможности претворить свои достойные уважения замыслы в жизнь. В 1856 г. вышла знаменитая статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», которая была опубликована в журнале «Морской сборник». В качестве образовательного идеала ученый выдвинул воспитание человечности в человеке - «иди и будь человеком... Значат ли эти слова, – писал Н. И. Пирогов, – что я добиваюсь невозможного, что я ищу в человеке земного совершенства, мечтательного гражданина вселенной или тому подобного?» [10].

Свою статью Пирогов начинает с экскурса в глубины древнегреческой философии для поиска ответов на вопросы о смысле жизни. Идея общечеловеческого воспитания, которое должно подготовить к общественной жизни высоконравственного человека с широким умственным кругозором оказалась популярна в государстве диктатуры пролетариата, а затем и в обществе «социального равенства». Более того, от этой идеи не отказалась и современная Россия.

Интересен, на наш взгляд, советский педагогический опыт, сформированный новым типом государства и общественного устройства, где также остро возник вопрос поиска национальной идеи в образовании и идеалов образования в целом. В статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» В. И. Ленин говорил о России как о «дикой» стране, в которой трудящиеся слои ограблены в смысле просвещения, света, знания, как нигде в Европе [7].

С этим утверждением трудно не согласиться, если принять общую обвинительную ленинскую риторику. Но если взглянуть на Россию как самостоятельную социокультурную систему, имеющую свой внутренний ритм развития, станет очевидно, что уже к концу XIX века Россия достаточно продвину-

лась по пути развития сферы образования и науки от того момента, когда М. В. Ломоносов писал И. И. Шувалову об основании Московского университета, что «...предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе Отечества... Главное моё основание, сообщённое Вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план университета служил во все будущие роды. Того ради, не смотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. С начала можно приняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберётся» [11].

Бесспорно, проблема безопасности Отечества имеет глубочайшие цивилизационные корни. На наш взгляд, на уровне сущности проблематики безопасности, неформальный потенциал образования должен рассматриваться с ориентацией на гуманистические ценности, с учетом локальных цивилизационных особенностей. Неформальный потенциал образования проявляется через эвристические возможности и фундаментальные основания всей системы формальных институциональных форм образования и воспитания. К примеру «Устав народным училищам в Российской империи» гласит: воспитание юношества есть единое средство «утвердить благо общества гражданского; да сие и неоспоримо, ибо предметы воспитания, заключающие в себе чистое и разумное понятие о Творце и его святом законе и основательные правила непоколебимой верности к государю и истинной любви к отечеству и своим согражданам, суть главные подпоры общего государственного благосостояния» [13].

Наш научный интерес устремлен к познанию российской специфики цивилизационных особенностей развития системы воззрений на национальную безопасность, выработанную самоорганизующейся российской культурой. Мы убеждены, что вопрос о будущем России сегодня – это не просто предмет научного интереса, это личная проблема каждого гражданина государства. До сих пор в литературе нет единого мнения об особенностях цивилизационного развития России. Старый спор между западниками и славянофилами актуален и по сей день, хотя в нем появились новые оттенки, отражающие социальные реалии и XX, и XXI веков [1]. Наша авторская презумпция заключается в том, что духовная осеменность бытия сформировала национальное миропонимание уже на ранней стадии его государственного проявления [4]. Ярким доказательством этому является почитание и молитвенное обращение к Святому Преподобному Илие (Муромцу), воину духовному и телесному [8].

С точки зрения семантики, корреляция «безопасности» и «мира», просматривается весьма отчетливо. В современном русском языке существуют омонимы: мир – совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная; и мир – согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры [9]. Отметим, что кроме значений, разделение основывается еще и на грамматике. Первое из них имеет множественное число – миры, а второе – только единственное. На старинной русской орфогра-

фии в первом случае писалось – міръ, а во втором – миръ [12]. Ю. Степанов отмечает, что совмещение этих значений в древнерусской культуре встречается довольно часто [9]. Полагаем, что такое закрепление социальной практики свидетельствует о константном характере понятия «безопасность», как мир (пространство), где господствует согласие, порядок, закон.

Безопасность имеет скорее символическое, чем конкретное предметное выражение, т. е. в большей степени отождествляется со структурами и институтами. Квантификация безопасности проблематична, так как «привязана» к качественной оценке и пока ей не подвергнута, будто бы вовсе не существует (хотя в действительности может существовать как не осознаваемое состояние). Безопасность трудно осязаема, так как пребывает в мире ценностей.

Методологические сложности в подходе к такой сфере научного знания, как изучение проблем безопасности, приводит к различным трактовкам самого понятия «безопасность» и той проблематики, которой должна заниматься социология безопасности. Исходя из вышесказанного, очертим природу безопасности и обозначим особенности социологической рефлексии безопасности.

Итак, «безопасность» нами понимается как состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды. Феномен безопасности имеет выраженную субъективную, в том числе когнитивную сторону. Всякий социальный субъект осуществляет оценку угроз своей безопасности в свете господствующей (принятой) системы ценностей. А тот или иной набор ценностей является одним из важнейших функциональных элементов социальной культуры, в том числе в ее транслирующих формах.

Неформальный потенциал образования в контексте формально господствующей системы ценностей ярко проявился в 1920–1930-е гг., хотя за эти два десятилетия акценты в системе образования и воспитания существенно сместились от Белл-Ланкастерской системы взаимного обучения (ликбез) в сторону государственно-ориентированной риторики при сохранении основ классового подхода.

Упор в новом социалистическом государстве в воспитании и через это – образовании человека стал делаться на его осознание собственной причастности к общему процессу государственного и общественного развития. В человеке необходимо было взрастить интерес к общественному, а также понимание приоритетности общественного перед личным. Советское образование было строго регламентированным, т. е. не позволялось существенное отклонение от созданных норм. Образование должно было служить для воспитания человека-частицы советского общества. Курьезными выглядят двенадцать половых заповедей, предложенных А. Б. Залкиндом, которые были призваны оздоровить «наши нравы, это поможет нам сформировать крепких, творчески насыщенных классовых борцов, это позволит нам родить здоровую, новую революционную смену, это сэкономит уйму драгоценнейшей классовой энергии, которой и без того непродуктивно утекает...» [3].

Развитие государственной образовательной системы в России наполнено противоречиями, но бесспорно, на наш взгляд, утверждение, что не было времени, когда государственная система образования существовала без идеалов. Менялись только исторические обстоятельства, порождая иные задачи и иные идеалы. Политика ликбеза, например, создала уникальную относительно гармоничную социальную модель массового образования. Исторический опыт России красочно иллюстрирует это положение.

Мы уже отмечали, что в системе ценностей национального образования, несмотря на точки кардинального разрыва, сохранялся пафос любви и службы Отечеству. Несмотря на то, что общественный подъем эпохи «Перестройки» всколыхнул общественно-педагогическое движение, направленное на гуманизацию и демократизацию образования, реалии таковы, что до сих пор общество вовлечено в процесс трансформации институциональных форм образования в целом и высшей школы в частности. В результате в текущем десятилетии XXI века совокупный интеллектуальный потенциал России, рассчитанный по методикам ООН, снизился до уровня тридцатилетней давности, когда в составе населения СССР присутствовала доля граждан, не имеющих мотивированных стремлений к высшему образованию [6]. Вопрос о сохранении базовых культурных образцов и ценностей через функции образования, на наш взгляд, является ныне открытым для обсуждения и дискуссий.

Библиографические ссылки

1. *Блехер Л., Любарский Г.* Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового средневековья. М., 2003.
2. *Викторов А. Ш.* Введение в социологию безопасности. М., 2008.
3. *Залкинд А. Б.* Революция и молодежь. М., 1924; // Родник. 1989. № 9.
4. *Златоструй.* Древняя Русь X – XIII веков. М., 1990.
5. *Комментарии к закону РФ «Об образовании»* // <http://www.lexed.ru/mpravo>.
6. *Лебедев О., Шабельник М.* Духовный и интеллектуальный потенциалы // МОСТ. 2001. № 46.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23, М., 1974.
8. *Молитвослов по благословению Муромской обители.* СПб., 1997.
9. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1968.
10. *Пирогов Н. И.* Избр. пед. соч. М., 1985.
11. *Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову об основании Московского университета (до 19 июля 1754 г.)* // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
12. *Степанов Ю.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
13. *Устав народным училищам в Российской империи* // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.